

(Окончание. Начало в № 37).

16 АВГУСТА

Утром 16 августа началось наступление советских войск на УР Харамитогэ. Над укрепрайоном появились краснозвездные бомбардировщики и истребители 255-й смешанной авиадивизии. С началом военных действий боевые вылеты самолетов авиадивизии были затруднены из-за нелетной погоды. Густая облачность препятствовала выходу на цели. «Совершенно исключалось», — вспоминал Ф. Архипов (255-й иб), — визуальное прицеливание. Приходилось лететь до залива Терпения, а затем со стороны моря, ориентируясь по береговой линии, лететь обратно и наносить удары по намеченным целям. Блестяще был осуществлен такой замысел летчиком В. Г. Логиновым, который участвовал в боевых вылетах еще в дни Хасанских событий».

«Штурмовики атаковали сопку», — вспоминал С. С. Рубцов (165-й сп). «Вылетело их очень много, и давай бомбить! Недалеко от нас был радиостанция. Он все время передавал летчикам такие слова: «Хлопцы, кончай работу, батя требует домой!» Анаши солдаты смеялись и говорили: «Берегись, микада. Выступает русская эстрада!».

После налета авиации и артподготовки в бой вступила пехота. Казалось, победа была близка. Но японцы продолжали оказывать упорное сопротивление.

«Японцы дрались за один из дотов укрепрайона Харамитогэ», — вспоминал Ф. П. Бурмистров (бывший зам. начальника политотдела 79-й стрелковой дивизии). «Оставшиеся в живых около полусотни японских солдат бросили оружие и подняли руки. Лишь один офицер отстреливался до последнего патрона. Когда кончились патроны, бросился бежать. Спросили: почему (сопротивлялся)? Ведь Япония капитулировала!»

«Япония капитулировала», — ответил он, — но наша Карагутская дивизия продолжает сражаться. Мы будем вести войну до последнего солдата...»

В очень сложном положении, практически в окружении, оказался 3-й батальон 165-го стрелкового полка (Зайцева), пытавшийся прорвать оборону японцев на высоте «Длинная». Обстановка накалилась до того, что командир дивизии вынужден был ввести в бой 1-й батальон 157-го стрелкового полка. Отличилась рота героя Хасана С. Т. Юдина.

«Наш батальон», — вспоминал П. Ф. Безгодов (1/157-й сп), командир майор Кутузов, — был придан 165-му полку. Рота Юдина был отдан приказ зайти в тыл противнику, нанести ему внезапный удар, прорвать окружение батальона Зайцева и совместными усилиями разгромить врага. Юдин блестяще выполнил приказ».

«Неплохо поработали наши саперы (43-й отдельный саперный батальон), — вспоминал С. С. Рубцов. «На концы шестов привязывали взрывчатку, подползали к доту, поджигали и совали ее в амбразуру...»

Вместе с саперами доты уничтожали бойцы 192-й отдельной роты химзащиты.

«Нами руководил начальник химической службы корпуса майор Калинин», — вспоминал И. Стребков (192-я орхз), — ротой командовал лейтенант Орлов. Рядом с дорогой, которая вела на Котон, у японцев находился бетонный дот. Имея круговой обстрел, он был трудно уязвимым. Командование приняло решение взорвать этот дот. Требовалось заложить до 150 килограммов тола, а при неудаче — применить огнеметы и заглушить дот огнем (как крайняя мера). Дот был подорван, но во время этой операции погиб старший лейтенант Шигрин...»

При штурме укрепрайона Харамитогэ, по воспоминаниям Н. Д. Курманова, артиллерия не могла должным образом поддержать пехоту из-за необеспеченности снарядами (обеспечить, например, такой вид огня, как «огневой вал»). Роль артиллерии играли... танки.

Костенко (377-й сп), — с их хорошей оптикой, позволяющей поражать цели на 1200 метров. Пулеметы у японцев питались металлическими лентами с патронами, и на них не действовали роса и дождь, которые все время преследовали нас. У нас в батальонах были пулеметы системы «Максим» с брезентовыми лентами...»

«Они умели отлично маскироваться и делать перебежки», — вспоминал В. Я. Волобуев (3/165-й сп), — их глаза постоянно были обращены в сторону противника».

Японцы активно вели радиоразведку, прослушивали переговоры советского командования. Они определили, что позывной Курманова был «Шолохов», и после этого попытались «накрыть» наблюдательный пункт 165-го стрелкового полка, организовав специальный артобстрел. «Благо бойцы своевременно вырыли траншеи», — вспоминал Н. Д. Курманов. — Никто не был даже ранен...»

выполнить мне. Выделили отделение автоматчиков, ручной пулемет, радио. Я встретился с парламентерами и доставил их в штаб дивизии».

С парламентерами вел переговоры лично генерал Дьяконов. По свидетельству присутствовавшего при этом А. Н. Рыжкова (в то время корреспондента газеты «За советскую Родину»), парламентеры просили Дьяконова остановить войска корпуса на занятых рубежах и предоставить японским воинским подразделениям... отойти на юг.

«Передайте вашему командованию, — заявил японцам Дьяконов, — я требую безоговорочной капитуляции всех ваших войск, расположенных на южном Сахалине. В этом случае всем солдатам и офицерам будет сохранена жизнь, все будут интернированы в лагерях, офицерам сохранены знаки отличия, ордена и предоставлены некоторые привилегии. Если это ус-

«Это были не немцы, — вспоминает Л. Е. Храпунов (284-й ап), — сопротивлялись здоровьем. Если бы не приказ, все бы полегли...»

СМЕРТЬ В ЧЕТЫРЕХ ШАГАХ

Отремели жестокие бои в Котонском укрепрайоне, унесшие сотни жизней. Но смерть продолжала сопровождать солдат и офицеров, уже победивших, тех, которых удалось вывезти с поля боя в госпитали.

«Корпуса нашего эвакогоспиталя были переполнены, — вспоминает Г. В. Козлова (1062-й эвакогоспиталь). Кроватей не хватало, и раненые лежали на носилках, стоявших на полу. Большая часть солдат и офицеров были ранены в руки и ноги (взрывались на минах), много было ранений в голову (пострадавшие от «кукушек»). Вроде бы легкие ранения в конечности усугублялись тем, что японцы стреляли разрывными пулями. Кроме этого, было очень много случаев гангрены. Пока бойца находили в тайге, пока вывозили с передовой, пока везли до госпиталя...»

Двадцать дней бесконечных ампутаций! А как резали?! Вскрывали рану, надрезали где надо, и пилили. Не кололи, не замораживали. Только стакан неразведенного спирта. Во время операций многие умирали...»

В госпитале работала ассистентом главного врача женщина, у которой на западе погибла вся семья. Постоянное нервное напряжение, вид крови, недосыпание сказалось на ней. Женщина сошла с ума. Когда над нами пролетали самолеты, увозившие раненых на материк, она отчаянно кричала им вслед:

— Летите, летите... Расскажите товарищу Сталину, что Магитсон (начальник госпиталя) — враг народа (у солдат руки-ноги отрезает).

А у нее — грудной ребенок...»

«У меня было 150 раненых», — вспоминает В. Е. Подорнева, — готовили их к эвакуации. Как их было жалко! Сидят солдат без рук и без ног и просит: «Сестричка, приди обними меня...» Один раненый умирал, у него был абсцесс легкого и отняты ноги. Как он хотел жить!..»

«Уже после окончания боев, — вспоминает Г. Козлова, — привезли к нам старшину. Взорвался он как-то. Лежал в коридоре. Солдаты друг другу передавали печальное известие: «Старшину нашего привезли...» Все, кто мог передвигаться, подходили к нему. А он был наш, сахалинский, из поселка Танги. Вызвали его матеря.

Вечером его отпустило, как всегда бывает перед смертью. Попросил меня спеть с ним «Землянку»:

— До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага...

Солдаты слушают, а сами плачут. Знают, что он умирает. Мать его успела приехать, а утром, в пять часов, он скончался.

Когда закончилась война, к нам в госпиталь приехал генерал Батуров и его замполит Сердюк. Батуров сразу пошел в 1-е отделение, где лежал комсостав. Госпиталь ожидал. Солдаты кричат: «Батя приехал!» Стучат, кто костилями, кто чаем. Батурова солдаты очень любили. А он в каждую палату заходил, обнимал, целовал солдат, особенно из 179-го:

— Орлы мои!..
А у самого — слезы...»

Н. ВИШНЕВСКИЙ

8 АВГУСТА 1945 ГОДА

«Нас поддерживали танки Т-34 (214-я танковая бригада подполковника А. Т. Тимиргалиева), — вспоминал Курманов, — которые мы использовали как орудия для ведения стрельбы прямой наводкой. Танки расставлялись на всем участке по боевым порядкам для сопровождения атакующей пехоты. Обычно командир танка высаживался из люка и говорил: «Батя, мне доты на разрушение не забудьте дать...»

В боях за овладение укрепрайоном пехотинцев поддерживал 2-й дивизион 284-го артполка капитана Никитина. Позже командованием особо были отмечены действия батареи старшего лейтенанта П. Н. Сидорова.

«Сидоров до войны», — вспоминает Л. Т. Кириллов (284-й ап), — возглавлял учебную батарею. Он был настоящим командиром: бдительным и очень внимательным к солдатам. Сидорову пришлось выступить одной своей батареи против японской пехотной роты. Не зная местности, которая для японцев была хорошо известна. Но Сидоров драился по-командирски...»

Бывший старший офицер на батарее Сидорова, человек, который фактически и командовал орудийными расчетами на поле боя, — Н. П. Стрельцов скромно вспоминает итоги боев на Харамитогэ: «Мы же не видели — убили их там или они бежали...»

Но командованию было виднее.

ПРОТИВНИК

С каким противником пришлось столкнуться нашим войскам? Каков был японский солдат на поле боя? Многие отмечали его фанатизм. Другие — натренированность, третьи — дерзость.

«Японский солдат», — вспоминал В. А. Кривогузов, — был хорошо обучен военному делу, умело обращался со стрелковым оружием, минометом, артиллерийским орудием. Он физически был натренирован, отлично преодолевал упрогий багульник, ловко взбирался на деревья...»

«Надо отдать должное японским снайперам», — вспоминал М. Н.

Сохранилось очень много свидетельств того, что японцы, переодеваясь в советскую форму, проникали в расположения наступавших частей. Когда их задерживали, в большинстве случаев они вспарывали себе животы.

Противник был серьезным и искусным. Но его необходимо было сокрушить. Причем сроки для этого были максимально сжаты.

Впрочем, как и на Хандасе, советские солдаты встретились на Харамитогэ и в районе Котона с другим типом японцев — смертниками, прикованными в дотах к пулеметам. Одни из них отстреливались до последней минуты своей жизни, но были и такие, которые вообще не стреляли. О таком случае вспоминал С. С. Рубцов. «Советские солдаты вошли в один из дотов, из амбразуры которого торчал молчавший пулемет. В доте они увидели японца, который был прикован цепью к пулемету. Японец стал знаками показывать, что он не стрелял, и показал солдатам на ствол пулемета, который был густо смазан. Ни куска хлеба, ни риса. Ничего у него не было...»

КАПИТУЛЯЦИЯ

18 августа 1945 года японское командование отдало приказ о капитуляции. О готовности выполнить все условия капитуляции заявил, обратившись по радио к советскому командованию, главнокомандующий Квантунской армией. В этот же день начали сдаваться в плен японские войска на южном Сахалине.

Капитулировал и 125-й пехотный полк, оборонявший Котонский укрепрайон.

«17 августа под вечер, — вспоминал Л. Я. Калинин (3/165-й сп), — перед нашим передним краем батальона появился с белым флагом парламентер и с ним еще три офицера. Командир батальона В. Н. Зайцев доложил об этом Курманову, который приказал организовать встречу парламентеров и направить представителей японского командования в штаб дивизии. Эту задачу Зайцев поручил

ловие не будет принято, я брошу против вас всю мощь огня...»

Японцы приняли условие генерала Дьяконова. 125-й пехотный полк во главе с полковником Кобаяси капитулировал. Сам Кобаяси, по мнению командующего 16-й армией генерала Черемисова, вел себя вызывающе. 20 августа Черемисов докладывал командующему фронтом о том, что «Кобаяси при допросе его начальником разведуправления заявил:

1. Он себя и свой полк не считает пленными, так как приказ императора указывает только о прекращении военных действий. При этом допустил угрозу, сказав, что если потребуется, то его полк сможет геройски умереть.

2. Просит разрешения послать в Тохэхару к командиру 88-й пд офицера за приказом о прекращении военных действий и сдаче в плен.

...Лично разъяснил полковнику Кобаяси требования безоговорочной капитуляции».

18 августа парламентеры 88-й пехотной дивизии показались в Котоне. Боевые действия 179-го стрелкового полка были прекращены, и 19 августа, согласно устному приказу генерала Дьяконова, полк вышел из Котона для совершения марша по маршруту Котон — Камисикува.

2-му батальону 179-го стрелкового полка было приказано совершить марш в обратном направлении — в район Муйки, где оставался не сложивший оружие опорный пункт. Там прошел последний бой, в котором принимало участие подразделение 79-й стрелковой дивизии. 2/179-й потерял в этом последнем бою восемь человек убитыми и восемь ранеными.

Капитуляция японских войск, оборонявших Котонский укрепрайон, спасла жизнь сотням солдат с обеих сторон. Стойкость японцев вызывала уважение у наших бойцов и командиров. Невольно сравнивали японских солдат с немецкими.

«Мне говорил свое мнение лейтенант с запада, — вспоминает Д. Т. Карасев. — Если бы так зажали немца, они бы сдались. А тут — пока не объявили о капитуляции».